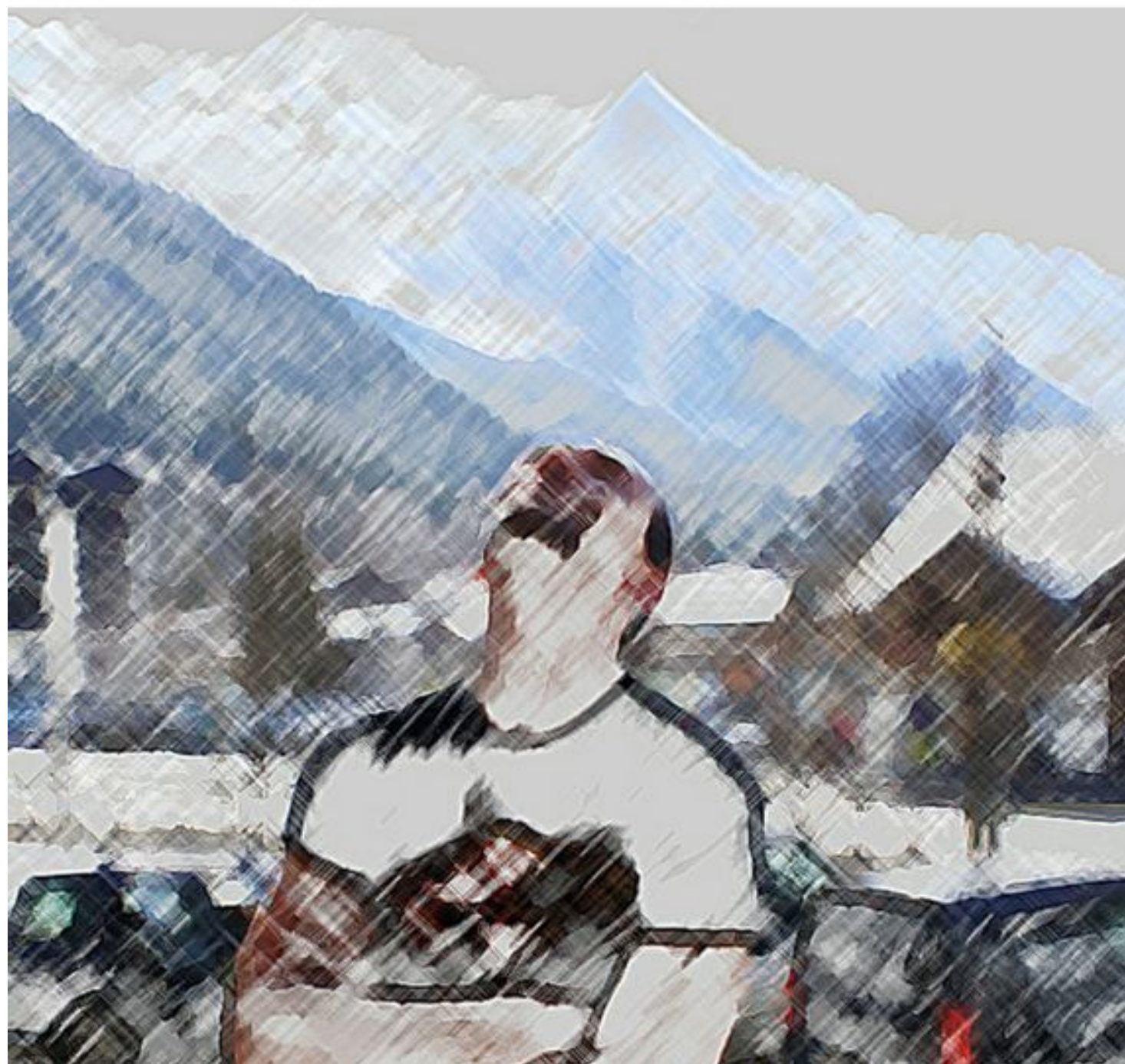

Светлана Харитонова

Про нас

до потери и после

Светлана Харитонова

Про нас. до потери и после

«Издательские решения»

Харитонова С.

Про нас. до потери и после / С. Харитонова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-04-015560-6

Когда мой муж умер от рака, я искала истории тех, кто через это прошел. Нашла мало. Поэтому написала свою — для тех, кто будет также искать.

ISBN 978-5-04-015560-6

© Харитонова С.
© Издательские решения

Содержание

Часть 1	6
Начало	7
В поисках диагноза	10
Дневник, 4 февраля 2015	10
Лечение	13
Конец ознакомительного фрагмента.	18

**Про нас
до потери и после
Светлана Харитонова**

© Светлана Харитонова, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть 1

Мы познакомились, когда мне было 17, а ему 28. Мы с подругой ходили каждую неделю в бильярдную – на людей посмотреть, себя показать, ну и поиграть немного. Небольшая бильярдная рядом с домом, большинство посетителей были постоянными. Диму я заметила сразу. Брутальная внешность, великолепная игра, для него всегда сразу освобождался стол, сколько бы народу ни ожидало своей очереди. Мне он казался настолько красивым, крутым и недостижимым, что я просто смотрела, даже не помышляя о знакомстве, не говоря уж о чем-то большем.

Когда через несколько месяцев он подошел и предложил сыграть, я поверить не могла своей удаче. После игры взял мой номер телефона, я просто петь была готова от счастья, но он так и не позвонил. В бильярдную стала ходить как на работу, но в следующий раз мы встретились только через месяц, к тому же он был с девушкой. Мы «случайно» столкнулись, выбирая кии, я спросила, почему не позвонил, он ответил, что потерял номер, полез в карман за бумажкой, чтобы записать его заново, и вынул именно ту, на которой он был уже записан...

Прошел еще месяц, наступил август 1999. Мы с подружкой собрались на неделю в Петербург. Накануне отъезда пришли погонять шары и снова встретили Диму. Он был изрядно навеселе, с большой компанией и очередной барышней. Но тут же подошел, мы несколько раз сыграли, а потом он пошел меня провожать. На прощание он меня поцеловал. На следующий день мы с подругой уехали, а по возвращении я обнаружила на определителе его номер. Перезвонила, в тот же вечер встретились и больше не расставались. Звучит как штамп, но так оно и было на самом деле. Каждый вечер после работы он приезжал ко мне, я запрыгивала к нему на руки, как обезьянка, и так и висела все время. Потом, оглядываясь на это время более трезвым взглядом, представляю, как это выглядело со стороны – и для него, и для моих родителей. Взрослый мужик, только разведенный, с ребенком, весь в татуировках, без образования, без нормальной работы, да к тому же с серьезнейшими проблемами со здоровьем, и их несовершеннолетняя дочка-цветочек, студентка первого курса. И Дима, в принципе в тот период довольно замкнутый и сложно выходящий на контакт, вынужденный перед моими родителями стойко сносить проявления моей пылкой любви. 1,5 месяца мы прожили в таком режиме – после работы он приезжал и уезжал на последнем автобусе, а если опаздывал на него – шел домой пешком, в 6 утра вставал на работу, и вечером снова приезжал. В октябре, за месяц до 18летия, я переехала к нему. Родители проявили мудрость и возражать не стали, потому что было ясно, что я пойду на любые меры, но буду с ним все равно.

Еще через 1,5 года – 18 мая 2001 года – мы поженились. В 2003 году родился Егор, наш сын. Дима заинтересовался проектированием, и за несколько лет освоил профессию на высшем уровне. Для моих родителей он тоже давно уже стал родным.

Я не могу сказать, что наша семейная жизнь была безоблачной. Отнюдь. Скорее мы походили на «итальянскую семью», разве что без драк, конечно. Были и ссоры, и скандалы, и «разводы» – все было. Но после каждой ссоры было примирение, и я всегда знала, что он – тот самый. Человек, с которым я не случайно. Любовь к которому такая сильная, на какую я не думала, что способна.

Начало

В апреле 2014 года у Димы сильно заболела спина. Причем если уж Дима сказал, что сильно – то это действительно сильно. Как и многие мужчины, он с трудом переносил всякие простуды, но если речь шла о чем-то серьезном, терпел все даже с излишним героизмом. За пару дней попыток купировать боли дома народными средствами он вымотался настолько, что согласился на вызов скорой.

Положили в ГКБ 70 с подозрением на почечную колику. Входящий диагноз сняли буквально за день, но дальше все с места никак не двигалось. Он лежал в урологическом отделении, не спал от боли ночами и при этом не получал ровным счетом никакого лечения. 15 апреля поставили диагноз ОРВИ. 16 апреля, когда я пошла воевать с руководством больницы, честно сказали: «С ним что-то не так, но что – не знаем». По своему профилю все вопросы сняли, переводить отказались – не имеют права. Зам главврача по медчасти выразился так: «Мало ли, что болит. Болит – это нормально, у кого сейчас ничего не болит? Гимнастику делайте. И мужу посоветуйте».

Лечащий – молодой очень приятный вежливый доктор – долго мне рассказывал, что анализы у мужа в норме, сделали они все, что могли, вот только разве что УЗИ брюшной полости еще не делали (на четвертые сутки пребывания), но завтра сделают. Потому что порядок такой и по-другому нельзя. Еще сказал, что раз мы были в «заграничной поездке» (пару месяцев назад ездили в Италию кататься на горных лыжах), то подозревают заодно и малярию. Хорошо хоть не бубонную чуму.

С чокнутыми родственниками предпочитают не связываться, так что в тот день Диме все же сделали исследование. И обнаружили неизвестное образование «в районе почечных сосудов», видимая часть размером 6х3 сантиметра. Стало по-настоящему страшно.

17 апреля мужу вдруг резко похорошело: прошли боли, упала температура. Но раз уж машину удалось сдвинуть с места, и КТ было назначено накануне, его всё же сделали, хоть и поздно вечером. КТ подтвердило образование. Несмотря на мои слезные просьбы, дежурный врач комментировать отказался наотрез. Всё, что я из него выжала: «Очень сложный случай. Не пугайтесь, диагностически сложный. Просто, понимаете, там никак не должно быть никаких образований, не может быть. Но есть».

Следующим днем была пятница. Я поехала в больницу, нам клятвенно обещали расшифровку томограммы, но дело не ладилось. В планах был и консилиум, но ближе к вечеру выяснилось, что собирать некого (удивительно ли – пятница, вечер, на улице +20).

На выходные Диму оставили с «антибиотиками для профилактики» и без единого намека на диагноз. Благо, температура упала и боли прошли.

В субботу мы поехали добывать снимки КТ для консультации у другого специалиста. Приехала к 11, диски забрала в 18—30. За это время успели пообщаться с дежурным врачом и узнать, что снимки смотрел какой-то суперспециалист, и теперь основная версия – неспецифическая для данной полосы инфекция. Например, из Африки. Я так подробно все это описываю, чтобы был понятен диапазон диагнозов, которые нам озвучивали.

Специалист, которому я отвезла диски, была очень удивлена версией про африканскую инфекцию, изучила все подробно и сделала вывод, что в легких есть какие-то образования, но самое страшное предварительно исключила.

В понедельник я общалась с главврачом. Мы обсудили волновавшие меня вопросы по поводу лечения, своевременности назначений исследований, квалификации специалистов, предлагающих диагнозы один экзотичнее другого. Она признала претензии «частично обоснованными», а по поводу Димы сказала: или туберкулез, или рак с метастазами в лег-

ких. Я несколько раз переспросила: «А другие варианты есть?» Нет, или то или другое. Ни «мы хотим исключить», ни «анализы подтверждают, что». Это был чистый нокаут.

К счастью, моя подруга – врач. В те дни мы с ней были на связи чуть ли не круглосуточно.

Снимки показали рекомендованному онкологу, еще раз проконсультировались со специалистом по компьютерной томографии. В больницу приехал фтизиатр, взял пробу на туберкулез (проба пришла отрицательная).

Выписали из больницы с направлением в онкодиспансер. К этому времени мы уже успели столько раз испугаться и успокоиться, что в диспансер Дима поехал практически без нервов. Районный онколог, уделив приему 4 минуты, без осмотра, без изучения снимков, а лишь прочитав выписку, сказал: «Да нет у тебя рака. Очень удивлюсь, если есть!» – и выписал вчерашним числом. Впрочем, направление на онкоконсилиум в ГКБ 57 дал.

Еще 2,5 недели умеренной нервозности, и вот, наконец, 16 мая 2014 года муж съездил на консилиум в ГКБ 57.

За 5,5 часов его осмотрели заведующие нескольких отделений, сделали два УЗИ, рентген и МРТ. Заглянули во все места, просветили приборами. Быстро, вежливо, бесплатно. На контрасте с предыдущими мытарствами даже не верилось, что такое возможно. Диагноз, правда, так и не поставили. Высказали предположение: какая-то травма, повлекшая за собой воспалительный процесс. Образования уменьшились, вероятно, на фоне антибактериальной терапии. Пункцию делать не стали, как раз потому, что уменьшились образования: и динамика есть, и спунктировать сложнее, чтобы в сосуд не попасть.

На этой ноте Диму отпустили, заверив, что у онкологов к нему вопросов нет. Сказали приходить через месяц на контроль.

Как несложно догадаться, ни на какой контроль мы не пошли. То одно, то другое. Дела. Неохота. Да и зачем? Все же прекрасно, ничего не болит. А рак не проходит от антибиотиков, значит, это не он. Что еще нужно? Я написала на сайте Департамента здравоохранения жалобу на сотрудников ГКБ 70 и благодарность команде врачей ГКБ 57, и мы выдохнули.

Потом, после всего, я перечитывала нашу переписку в мессенджерах и не раз наталкивалась на сообщения «что-то я сильно устаю», «совсем нет сил», «все время хочу спать». Я отвечала: «А что ты хочешь? Спишь по 4 часа в сутки, куришь как паровоз, неправильно питаешься, мало отдыхаешь. Да и годы идут. Ну как при таком режиме не уставать?!». Дима настаивал, что испытывает не обычную усталость, но от визита к врачу отказывался категорически. А я и не настаивала особо.

Прошла осень, декабрь. 2015 мы встречали на даче – с семьей и друзьями. Запись из дневника:

«Очень клево встретили 2015, практически идеально. Дача. Оливье. Баня за час до курантов. Исполнение гимна Советского Союза, с племянником на громкой связи. Салюты. Гора подарков под елкой. Даже романтический снежок включили в новогоднюю ночь. Компания прекрасная. На следующий день – снеговик, снежки, катание с горки, снова баня. Праздник живота. То, что доктор прописал, как говорится».

Тогда же была сделана наша последняя счастливая совместная фотография. Это был случайный кадр, мы не позировали, я просто подошла к нему, прижалась, он обнял, и даже на фотографии видно, как мы друг на друга смотрим.

На февраль была запланирована большая поездка. Дима намного раньше меня встал на горные лыжи, и успел обкатать весь Кавказ, а я там не была ни разу. Собирались в большое путешествие на машине: Сочи, Домбай, Эльбрус с множеством заездов в разные точки, которые он давно хотел мне показать. Где-то до сих пор лежит этот листок с указанием дат, мест, времени. Как обычно, должны были ехать в марте, чтобы Димин день рождения встретить в горах.

2 февраля 2015 года вернулись боли.

В поисках диагноза

Дневник, 4 февраля 2015

«Пережить лечение реформированной медициной может только очень здоровый человек.

Скорая наотрез отказывается везти в больницу, даже если человек кричит от боли.

Участковый терапевт не приходит на дом даже после подтверждения вызова.

Уролог отправляет к онкологу: «У вас новообразование, это не наш профиль».

В онкодиспансере ад, я лично провела там 5 часов: 1,5 в очереди на перерегистрацию (знаете, с нового года надо прикрепляться по-новой!), 2 часа в очереди за талончиком и еще 1,5 непосредственно в очереди к онкологу. Пока я через главврача не попросила вызвать Диму вне очереди, так как он еле сидел от боли. Весь этот квест был ради того, чтобы услышать: «А что вы от меня хотите? Нужен диагноз? Обследовать? Нет, это не моя задача. Где? Не знаю. Обратитесь к районному терапевту».

Скорая колет трамал, который не убирает боль, но оставляет после себя дурную голову. Никто ни за что не отвечает. Диагностика? Нет, не слышали. У нас указания, извините, мы не можем вам помочь. На прямой вопрос: «И что, дома подышать?» честный ответ: «Выходит, что так».

Но люди всегда остаются людьми. Третья бригада скорой на свой страх и риск «нарисовала» диагноз, с которым можно везти в больницу. Уролог в 57й сначала отбивался, но потом дал направление, без которого бы не приняли в онкодиспансере. А вечером, когда мы, измотанные и еле живые, пришли к нему обратно, накидал-таки хоть какой-то план действий, а на прощание вкатил укол, благодаря которому мы первую за 3 суток ночь нормально поспали.

Онкоуролог, к которому мы прорвались сегодня, в неприемный день, проконсультировал, отправил на МРТ, записал на пятницу, сказал, какие анализы сдать для госпитализации и предупредил, чтобы мы были готовы.

МРТ-врач, взявший без очереди и наотрез отказавшийся от мзды.

Люди остаются людьми. Хотя сейчас это очень сложно.

Апрельская тема вернулась, судя по первым результатам, с новыми силами, продвинувшись вперед.

Мы верим, что все будет хорошо, как и тогда. Только теперь не будем бросать, а долечимся до конца, со всеми контролями и финальным «все, здоров».

Но все равно страшно».

Потянулись изматывающие дни.

В ГКБ 57 мы просто-напросто в коридоре подкараулили врача, который вел обследование в мае 2014, вцепились в него со словами: «Помогите!». Кукушкин М. В. – хороший человек и хороший врач – не отказал. Начались обследования – анализы, УЗИ, КТ, МРТ, гастроскопия, колоноскопия. Анализы пришли прекрасные, онкомаркеры, каждый из которых я открывала трясущимися руками, все как один в пределах нормы. Только на томограмме было видно здоровенное образование около почки, которое с 6 сантиметров выросло аж до 16, да еще в самой почке небольшое образование около 1,5 сантиметров, и еще мелкие образования в легких. В прошлый раз сошлись на том, что большое – это киста, а маленькое – кальцинат. Могу сейчас ошибаться в терминологии, но звучало все это совсем нестрашно, да и перепроверяли мы каждый результат, каждое исследование у нескольких специалистов как в рамках ОМС, так и у платных врачей по рекомендации. В начале марта 2015 наконец-то

из почки взяли пункцию, мы не находили себе места от волнения, но пришел ответ: отрицательно, нетипичных клеток не обнаружено.

Мы не знали, что и думать. Кукушкин М. В. говорил прямо: «Дима, я онколог, я вижу, что у тебя рак. Только пока что не могу найти, где».

Перечитывая мартовскую переписку с Димой, я увидела такое:

– Может быть, у меня рак мозга?! Всё уже посмотрели, кроме головы.

– Прекрати! Нет у тебя никакого рака, что ты выдумываешь!!!

Блаженное отрицание...

30 марта 2015 года мы сидели дома на кухне, и вдруг Дима нащупал в надключичной ямке большое уплотнение, размером чуть не с перепелиное яйцо. Как мы пропустили это раньше – неведомо, почему туда не смотрел ни один врач – неизвестно. Но факт остается фактом. 30 марта мы нащупали серьезное образование, и игнорировать проблему, утешая себя хорошими анализами, стало невозможно.

Выяснилось, что у моего руководителя есть контакт на Каширке, в РОНЦ им. Блохина. Собственно, мне про него говорили еще год назад, но мы же тогда так уверенно убедились, что рака нет. А Каширка – такое место, что даже у непосвященного информация о нем уходит в «слепую зону», год назад я отказалась воспользоваться этим предложением.

Но сейчас было не до политики страуса. В срочном порядке была организована встреча. Диму передали отличному диагносту – Богуш Е. А.

Она его раздела, ощупала от макушки до пяток (первая за все время). К тому времени Дима похудел, хотя еще не сильно. Впрочем, он всегда отличался худощавым телосложением, так что невооруженным взглядом потерянные 1,5 кг мы не заметили. «Давай пока что забудем про КТ. Диагноз – здесь», – сказала врач, указав на надключичные лимфоузлы.

Через несколько дней Диму госпитализировали и вырезали узел. Я пыталась Елену Александровну вопросами, она говорила, что нужно ждать результата, но, все же пойдя навстречу моим бесконечным просьбам, предположила варианты: туберкулез, лимфома, рак почки. По убыванию «по предпочтительности».

Мы были практически уверены, что речь о лимфоме. Читали интернет, подбадривали друг друга, что это лечится, все будет хорошо.

23 апреля пришел результат гистологии: почечноклеточный рак. Наихудший из возможных сценариев.

Дальше мы сдали в РОНЦ стекла и блоки на иммуногистохимию, сделали сцинтиграфию.

Наступили майские праздники, время ожидания. Диме с каждым днем становилось все хуже и хуже: болела грудина, тошнило и рвало, донимала слабость. Настроение было соответствующим. Сомнений в том, что это рак, уже не было, оставалось лишь надеяться на поддающуюся излечению форму и отсутствие метастазов.

В эти дни мы съездили к брату приятельницы, онкоурологу в крупной федеральной больнице. Он осмотрел Диму, но высказался как-то совсем неопределенно: ни хорошо, ни плохо, давайтеждемся результатов.

На вторые майские Дима поехал на дачу к другу. Встретила я его в совсем отвратительном состоянии.

Когда дело доходит до близкого, самого родного человека, становится не до этикета. Я очень сочувствую докторам, которых дергают и днем, и ночью, в любой день недели, в любое время суток. Но и я, конечно, не удержалась и позвонила Елене Александровне из РОНЦ.

К этому моменту все анализы пришли. Почечно-клеточный рак с метастазами в лимфоузлы, легкие, кости и печень. Неоперабельно. Не поддается лучевой и химиотерапии. Про прогнозы она отвечала очень уклончиво.

В полном шоке мы доехали до дома. Сбывался самый ужасный из возможных сценариев, и он не укладывался в голове. Дима пошел спать, а я бросилась звонить врачу – брату приятельницы. Потому что хотела услышать правду. Ну, и услышала: «Шансов нет. Медиана выживаемости до полугода. Как будет – неизвестно: может быть, несколько дней, может быть, несколько месяцев. Не вздумайте продавать квартиру, пытаясь увозить на лечение в другую страну, на данный момент эффективного протокола нет, а вам еще жить дальше и сына растить. Скажите спасибо, что год назад вы не довели дело до конца. Это неизлечимо, и вы пришли бы к тому же результату, но у вас не было бы этого года счастливой жизни, а были бы больницы, лекарства, побочные эффекты и прочее».

Я переспрашивала все по несколько раз, и он мне терпеливо повторял. Это был очень жесткий и очень откровенный разговор. Первый человек, который прямо и безапелляционно сказал, что вскоре мне придется хоронить моего мужа. Конечно, я ему не поверила.

Через несколько дней мы снова попали в РОНЦ, на этот раз к химиотерапевту. Я пошла одна, сказали, что для первого назначения так можно. Волкова М. И. сразу произвела на меня впечатление человека очень профессионального и отзывчивого. Мы еще раз очень подробно обсудили диагноз и перспективы. Конечно, она была куда осторожнее в прогнозах, но подтвердила, что он неблагоприятный, и что действительно на данный момент эффективного на 100% лечения нет нигде, не ведутся известные ей клинические исследования, в которые стоило бы пытаться попасть, ничего такого.

Назначила она Диме таргетный препарат сутент, который должен был точно реагировать именно на клетки опухоли, минимально воздействуя на здоровые ткани, новейший препарат нового поколения. Но нет, это не для излечения. Это для продления жизни. А как пойдет, видно будет. Чудеса случаются, и в медицине в том числе.

Надежда. Все истории, которые я слышала или читала, пронизаны, пропитаны этим словом, особенно в первой половине пути, да какой половине – практически до самого конца. Конечно, я была страшно напугана, раздавлена, я не могла поверить в то, что это все случилось с нами. Ну как так – рак?! Невозможно. Но при этом настрой был исключительно боевой, я была готова свернуть не то что горы – головы, если только кто-то решит встать у нас на пути спасения.

Волкова выдала назначение на сутент, но сразу предупредила, что лекарство дорогое, получить его не так то просто. Что с районным онкологом нельзя ссориться ни в коем случае, помощь ему предлагать посильную, вести себя паинькой, но настраиваться на то, что препарат мы получим в среднем через месяц.

Мы обсудили также побочные эффекты и как с ними бороться, контрольный срок обследования, какие есть еще варианты, если не поможет сутент, и на этом распрощались. Собственно, это последний раз, когда мы были на Каширке. Но до сих пор, даже просто проезжая по улице Андропова, чувствую, как у меня сжимается сердце и подкатывают слезы. Очень страшное место.

Кстати, не могу не сказать. О Каширке ходят самые разные слухи: от единственного места, где реально могут помочь, до огромной бесчувственной машины по выкачиванию денег. К нам в РОНЦ отнеслись прекрасно, уж не знаю, просто ли так повезло или это благодаря протекции. И да, это то место, где Диме наконец поставили диагноз.

Лечение

В онкодиспансер мы ехали как на войну, помня прошлый раз. При этом держа в голове наставления Волковой М. Ю. о том, что с районным онкологом нужно дружить. В кабинет зашли, собрав последние силы в кулак. Честно говоря, плохо помню наш первый разговор. У меня был бесконечный список вопросов, и врач терпеливо на каждый из них отвечал. Даже если я задавала их по два, а то и по три раза. Без всяких споров выписал рецепт на заветный сутент. И сказал, что если он есть в аптеке сейчас, то можно получить сразу, а если нет, то немного подождать.

Еще не успев затормозить свои страхи, настрой на бой, я вцепилась в аптекаря: «Ждать – сколько? Придет – когда? Неделя, две, месяц?!», на что получила растерянный ответ: «Какой месяц... Может быть пару дней».

Назавтра мне позвонили из аптеки и попросили забрать лекарство. Моя подруга-врач прокомментировала, что на ее памяти такого случая еще не было.

Забегая вперед, хочу сказать, что наш районный онколог, Меских А. В., оказался очень отзывчивым прекрасным человеком, и каждый раз, когда я ехала в диспансер, знала, что он чем сможет, поможет обязательно.

Дима уехал на дачу, под неусыпную заботу моей мамы и дяди Саши. 19 мая, на следующий день после четырнадцатой годовщины нашей свадьбы, Дима выпил первую таблетку. Лечение началось.

Потянулись, а точнее помчались дни. Дима переносил сутент относительно прилично, хотя, конечно, без побочных не обошлось. В связи с этим он принимал целый арсенал препаратов. Моя подруга, настоящий человек, друг и боевой товарищ Леонова М. Л., Марина, была с нами на связи фактически круглосуточно с самого первого дня этой истории. Подозреваю, я просто сошла бы с ума, если бы ее не было рядом, если бы у меня не было возможности по каждому пугающему меня симптому звонить человеку: знающему и которому доверяю, как себе, если не больше, и пошагово выполняя инструкции, приходить к какому-то приемлемому результату.

Я жила в Москве, со свекром и свекровью. Свекру ничего не говорили: возраст, боялись, что не перенесет. Дима в принципе был против, чтобы диагноз разглашался хоть кому-то. Несмотря на категорический запрет, я сказала свекрови. Долгое время она была единственной, кто знал о диагнозе из его родственников. Конечно, ей тоже хотелось принять участие, внести свою лепту. Римма Дмитриевна стала заваливать меня статейками из желтой прессы про «новейшие методы исцеления от рака», «проверенные народные способы» и прочей информацией и советами подобного рода. Как же меня это бесило! Я срывалась на нее, кричала, в категоричных и обидных формулировках отвергала ее нелепые, с моей точки зрения, попытки помочь. После очередной газетной вырезки у меня случилась страшная истерика: с визгом баньши, катанием по полу и судорогами. Как она удержалась от вызова психиатрической скорой – не знаю. Но с тех пор свекровь стала гораздо осторожнее в разговорах со мной.

Я звонила на дачу чуть ли не каждый час, требовала от мамы быть на связи круглосуточно, моментально впадала в истерику, если трубку не снимали сразу же. Конечно, я истрепала нервы себе, вымотала их и маме, чья помощь была просто неоценима. Они с дядей Сашей делали все возможное и невозможное, чтобы Диме было комфортно, вкусно и не очень грустно.

Дима взял у друга напрокат металлоискатель, и они с Егором разыскивали по участку всякие железяки. В спортивном магазине купили лук и стрелы, и упражнялись, кто дальше выстрелит.

Когда на сдачу очередной партии анализов Дима приехал в Москву, мы сходили на свидание: прокатились на кораблике по Москве-реке. Согласился он на него весьма неохотно, сложно было далеко ходить, пусть это даже только от парковки до причала, и тяжело долго сидеть, пусть даже в удобном кресле. Но на самом корабле он меня поразил, вдруг вскочив с призывом делать селфи. Оказалось, что на Авторадио крутили приглашение на утреннее шоу, и нужно было прислать фотографию на фоне их кораблика, именно его заметил Дима. Через пару недель мы стали гостями Авторадио, получили прекрасные впечатления. Было очень радостно, что у Димы есть такие искренние желания, доставляющие неподдельную радость.

В общем, мы сошлись во мнении, что «если исключить из уравнения рак, лето проходит отлично».

Но, к сожалению, исключать не получалось. Самыми тяжелыми были воскресенья, когда я приезжала с дачи в Москву и до исступления рыдала в подушку от бессилия и страха.

Просто так сидеть и ждать мы не могли. Хотелось действовать, искать дальше, найти того врача, который сможет полностью вылечить эту дрянь.

Нашли контакт онкоуролога в Онкологическом центре в Обнинске: прекрасные рекомендации, использование новейших методов лечения.

Съездили на консультацию. Чайкин В. С. подтвердил, что считает целесообразным прием сутента, но на всякий случай направил на пересмотр стекол и блоков в ГКБ 40 у специалиста, которому он полностью доверяет.

Еще один мощный луч надежды возник, когда Горбань Н. А. из ГКБ 40 сказала, что по стеклам у нее к диагнозу есть вопросы, и это, возможно, рак щитовидки, который можно попробовать победить даже на такой стадии. Господи, как мы ждали результатов, как мечтали о том, что сейчас скажут: «Ошибка! А что, и у РОНЦа бывает. Сейчас начнем такую схему и все наладится». Я успела этой надеждой зажечь даже нашего районного онколога, и все с нетерпением ждали ответа.

Мы как раз ехали на дачу, я за рулем, Дима, при всей его любви к вождению, уже давно не садился на водительское кресло. Я в нетерпении позвонила, и ответ: «К сожалению, диагноз полностью подтвердился». К этому времени в приватной беседе Нина Андреевна успела мне сказать, что при почечноклеточном раке такой распространенности действительно шансов практически нет. Только надежда на чудо.

Середина июля. Подходила к концу вторая пачка сутента. Мы регулярно сдавали анализы крови, и они не выявляли никаких отклонений, кровь была как у полностью здорового человека. Даже к побочным эффектам Дима успел немного притерпеться. Правда, иногда возникали боли. Особенно сильными они были после физических нагрузок (а он умудрялся даже ходить за грибами, пусть и на машине до леса, и в лесу с остановками и передышками, но несколько раз за эти месяцы Дима набирал по полной корзине белых и подосиновиков), а после зометы, которую ему назначили в Обнинске для борьбы с метастазами в костях, он сильно мучился несколько дней.

В эти дни и недели я старалась исполнить любые желания, которые он озвучивал. Вбила себе в голову, что положительные впечатления могут оказать позитивное влияние на течение болезни. Как-то раз Дима сказал, что хочет пазл. И, как обычно, не терпя полу-мер, он заказал шеститысячник, очень красивую картинку со сказочным домиком в лесу. Такой уж был талант у моего мужа: выбирать что-то, что найти – целая эпопея. Этого несчастного пазла не было нигде, ни на какие замены он не соглашался, я перевернула весь интернет, но – повезло! – наконец, перезвонили из одного магазина и сказали: «Есть».

В это же время ситуация с болями стала совсем неприятной. Наш районный онколог в очередной мой визит выписал, помимо трамадола (который вообще не помогал, спа-

сался Дима самым обычным кетановом), пластырь дюротек. Звучало отлично: приклеил – и неделю ходишь довольный, ничего не болит.

Это был мой первый опыт получения серьезного обезболивающего. Оказалось, та еще процедура: сначала к онкологу за направлением, потом в поликлинику к районному терапевту за направлением, потом в другую поликлинику, у которой есть лицензия на выписку рецептов наркосодержащих лекарств. А потом еще и сдавать их полагалось раз в 2 недели вне зависимости от того, сколько пластырей было использовано. Не укладывалось в голове! Ну, хорошо, в нашей ситуации была я – молодая, сильная как конь, с машиной, и могла мотаться из одного конца Москвы в другой, собирая все необходимые бумажки. А если болеющий человек – один, без помощников? А если без машины? Как это все вообще осуществлять?! Ведь обезболивающие наркотические не просто так получают...

29 июля нам нужно было ехать на контрольное КТ. Мы терялись в догадках: помогает, не помогает лечение? Масса предположений, аргументы и за тот, и за другой сценарий. Опять та самая надежда вкупе с изнуряющим страхом.

За пару дней до исследования Дима сказал, что когда собирал паззл, сильно закашлялся, и стало больно и тяжело дышать. Списал все на побочку от сутента. Но спать мог только на одном боку, на втором задыхался.

И вот КТ сделано, 30 июля, сижу на работе, жду звонка с результатами. Дима отправился в поликлинику.

«Лечение не работает, образования увеличились в размерах. А еще у меня пневмоторакс, схлопнулось легкое». Нужна срочная госпитализация.

Да, через это тоже все проходят: вопросы... Ну почему?! За что?! Что мы делаем не так, какого же черта ничего не работает?!

В голове всплывают слова того онколога, который в мае предельно честно обрисовал мне ситуацию: «Вы можете сейчас лечиться по любой предложенной вам схеме, но имейте в виду: этот рак редко отвечает на лечение».

Срочно примчалась в поликлинику, прямо туда вызвали скорую. Отвезли в ГКБ 23, в торакальное отделение. Повезло.

Удивительно, как часто звучит слово «повезло» у людей со смертельным заболеванием, у людей, переживающих потерю близкого. Очень часто. Даже во всем этом мраке люди умудряются отмечать и хорошие моменты, а может быть, не «умудряются», и это просто такая человеческая потребность: в казалось бы непроглядном мраке замечать светлые лучи. Повезло.

Да, нам повезло, Диму привезли не в терапию, а в торакальное отделение. Позже, когда он лежал в этой же больнице, но в терапии, прямо в его палате умер мужчина с раком почки и пневмотораксом, который даже не лечили, так, кислородом давали подышать. К тому моменту вроде бы торакальное отделение расформировали.

Сделали прокол, поставили дренаж, дышать стало легче. Зато пришли боли, которые не купировались ни трамадолом, ни кетановом, ни чем-либо еще. Дима первый раз наклеил пластырь.

В эти же дни я съездила к нашему онкологу, обрисовала ситуацию. Он сказал, что переходим к терапии второй линии, и выписал препарат афинитор.

Принимать афинитор сразу было нельзя – из-за пневмоторакса. Нужно было сначала зарастить дыру в легких, и только после возвращаться к противоопухолевой терапии.

Я звывала к мирозданию, прося только об одном: пусть легкое расправится, пусть станет лучше. Лечащий врач был настроен скептически. Плюс в ту же палату положили другого онкологического пациента, у которого был пятый подряд пневмоторакс, он поделился с Димой, что рецидивы у него один за другим, практически без передышки. Несложно догадаться, как эта информация нас «подбодрила».

Плюс пластырь (предположительно пластырь, по крайней мере, мы вычитали это у него в побочных эффектах) дал проблемы с кишечником. А с учетом того, что у Димы до всей этой истории, еще с детства, было грозное заболевание (болезнь Крона), которое само по себе могло привести к крайне печальным последствиям, можно себе представить наше состояние. Пластырь пришлось снять, этот вариант оказался не для нас.

8 августа, 16 лет со дня знакомства, мы встретили в больнице. Дима с дыркой в боку, с торчащим из нее дренажем, замученный болями и в груди, и в животе, которые нечем было купировать, без лечения по основному заболеванию.

Я таскала ему с работы домашнюю еду, которую нам готовят в столовой, потому что дома готовить не успевала, а в больнице кормили отвратительно. Дима стремительно худел. Нашла вариант дополнительного питания – нутридринк. Как раз для онкологических больных, для поддержания сил, когда обычная еда совсем не лезет, когда вес теряется со страшной скоростью. Но Дима отказался наотрез, как я ни уговаривала, тогда он еще не был готов к таким мерам. Несмотря на всю тяжесть ситуации, мы еще не признавали, насколько плохи наши дела.

В тот раз наши мольбы были услышаны. Легкое потихонечку зарастило дырку, расправилось, задышало. Стало немного полегче с болями. Начали принимать афинитор. Но пить его Дима смог всего несколько дней, начались ужасные побочные эффекты, в первую очередь с кишечником.

Мы все же успели съездить на выходные на дачу. Как раз из путешествия по Китаю длиной в месяц вернулись Егор и Рита (племянница). Мы жарили на мангале утку по-пекински, пили вино, наслаждались теплым солнечным днем и пытались хотя бы на несколько часов отвлечься от того, что с нами происходило.

К концу августа стало совсем плохо. Дима очень похудел, изменилась походка, глаза казались какими-то инопланетными. Я сходила с ума от чувства вины: что не нашла нужного врача, не нашла клинику, лекарство, что у меня никак не получается ему помочь. Каждый день я думала, что все, достигли дна, теперь только оттолкнуться – и вверх, к улучшению. Но на следующее утро выяснялось, что улучшений нет, а то и стало хуже. Никак не приходил в порядок ЖКТ, эти проблемы изнуряли.

Все время Диминой болезни у меня было неотвязное ощущение, что я одна за все отвечаю. Любое промедление, любое ухудшение, любой вопрос, оставшийся без ответа или с ответом неудовлетворительным воспринимала как личное поражение. Если бы я постаралась лучше, мог бы быть другой результат. Если бы я была внимательнее и настойчивее, мы бы пошли к врачам гораздо раньше. Неоднократно и друзья, и врачи мне говорили про комплекс Бога, про зоны ответственности – подвластные и неподвластные. Но это не слишком помогало, чувство вины давило все сильнее и сильнее.

Я звонила всем врачам, контакты которых у меня появились за эти месяцы, в попытках найти какой-то еще вариант лечения. Онколог из Обнинска сказал, что считает отрицательную динамику, показанную на КТ 30 июля, несущественной, и рекомендует продолжать сутент. Другие врачи говорили, что закрывать глаза на увеличение метастаз в печени чуть не в два раза нельзя, несмотря на небольшие положительные изменения в легких, и нужен афинитор. Проблема была в том, что Димино состояние не позволяло принимать никакие противоопухолевые препараты, он просто-напросто их не переносил.

28 августа мы поехали в Институт Колопроктологии – пытаться решить проблемы с кишечником. Перед этим на неделе я дважды ездила в больницу, в которой раньше Дима лежал по поводу болезни Крона, поговорила с заведующей, но ничего предложить нам не смогли: отделение расформировано, осталась только хирургия. В Институте удалось записаться на прием к профессору, который вел Диму много лет назад. К сожалению, профессор,

взяв полную стоимость за консультацию, смог сказать только: «Вы что, свой диагноз не знаете? Что вы от меня хотите?! Я не могу вам помочь».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.